

ИНТЕНЦИОНАЛЬ- НОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Введение

Современная философская мысль вплотную подходит к реализации самой актуальной философской задачи, которую срочно требуется решить в современную эпоху – создания философской антропологии. В данной статье мы постараемся разобрать проблему взаимодействия языка и власти с позиции социальной онтологии как основных факторов формирования социального мира. В рамках данной исследовательской работы нас интересуют явления интенции и интенциональности как свойств сознания и необходимого условия формирования социальных отношений. Отметим здесь, что социальная онтология включает в себя физические, ментальные и социальные феномены. Человек, обладающий сознанием, способен к интенциональным состояниям. А интенциональность, в свою очередь, является ключевым понятием при объяснении природы социальной реальности.

Проблема интенциональности интересует современную философию как вопрос о направленности, ориентированности человеческого сознания в широком, антропологическом смысле. Это предполагает активное участие субъекта, задающего основания и параметры интенцирования.

Сознание, будучи биологической, следовательно, физической и ментальной характеристикой человеческого мозга, обеспечивает создание интенциональности – особого способа разума представлять объекты и состояния мира по-другому, чем они есть само по себе.

Интенциональность (от лат. *intentio* – намерение) – одно из центральных понятий аналитической философии и феноменологии, устанавливающее особое отношение между сознанием, языком и миром. Данное понятие означает центральное свойство человеческого сознания быть направленным на некоторый предмет, репрезентировать предметы и положение дел.

Августин описывал *vitaliintentione* как свойство души пронизывать все части тела животворящим напряжением. Благодаря возникновению интенции как некой формы познавательной силы, разум может быть направлен на познаваемую вещь. Петр Абеляр формулировал познавательную

интенцию как логическое умение, правильное логическое поведение, определение способов истолкования и связи. Таким образом, акт обозначения вещи и его результат – значения взаимоинтенциональные по отношению друг к другу. В данном акте мыслятся во взаимосвязи и субъект, как активное начало, и содержание, которое мыслится, т.е. значение. В «Этике» Абельяра интенция рассматривается как конструирование поступка, сознательное намерение совершить нечто: грех определяется как интенция души. Фома Аквинский рассматривал интенцию как понятие, проистекающее из деятельности интеллекта [1].

Примеры использования данного термина можно обнаружить и у арабских философов XII и XIII веков. Термин «*Intentio*» в различных трактовках применяется философами высокой схоластики, как «нечто, отличное от себя». В арабском аристотелизме, в поздней схолистике понятие интенции использовалось для характеристики умственного образа, идеи.

В XIX веке понятие интенции было вновь введено в философию немецким философом Францом Brentano в качестве критерия различения ментальных и физических феноменов. В его концепции «интенциональность» означала предметность всякого акта сознания, т. е. непременно отнесенность его к какому-то вполне определенному – реальному или воображаемому – предмету. Всякий психический акт, с точки зрения Brentano, направлен на нечто, что и делает его интенциональным [2].

Понятия «интенции» и «интенциональности» являются центральными в концепции Эдмунда Гуссерля – в качестве всеобщих характеристик сознания. Эти понятия стали основополагающими для формирования представлений о характере и направленности психической деятельности, а также для формирования понятия установки.

Быть направленным следует понимать в модуле желательности, селективности, аспектуальности, заинтересованности в рассмотрении именно этого объекта философствования, а не другого. Следовательно, в направленности на объект присутствует субъективный компонент. Именно этот субъективный компонент (переживание, проживание акта созерцания) и стал основой для введения интенциональности как категории в аналитический аппарат философии Гуссерля. При этом, согласно гуссерлевской концепции сознания, структура интенционального акта не зависит от объекта, на который направлен этот акт [3].

В современной философии сознания термин «интенциональность» в последнее время все чаще стал сближаться с термином «квалиа», что по своей сути опять же выражает способность сознания быть обусловленным субъективной компонентой.

Таким образом, сознание порождает интенциональность, то есть способность сознания представлять объекты и состояния мира по-другому, чем они есть сами по себе. В теории социальной онтологии Джона Р. Серля интенциональность используется как технический термин, означающий характеристику представлений, благодаря которым они относятся к чему-то или направлены на что-то [4].

Основная часть

В работе «Создавая социальный мир: структура человеческой цивилизации» профессор Серль представляет подробную теорию социальной реальности. Согласно данной теории весь социальный мир производится посредством одного вида логико-лингвистических операций – декларации статусных функций. Новшеством данной теории является ее попытка объяснить все социальные факты и происхождение всех социальных институтов и явлений на базе одной и той же структуры. По мнению профессора Калифорнийского Университета в Беркли, все социальные явления, как брак, коктейльные вечеринки, деньги, законы и прочие составляющие социального мира, состоят из одних и тех же однотипных базовых блоков. Основой для объяснения данной теории стали ранее известные теории ученого, как теория речевых актов, интенциональности, теория рациональности и философия языка [5].

Джон Р. Серль называет некоторые из фактов, зависящих от человеческого соглашения, «*институциональными фактами*». В отличие от неинституциональных или, так называемых, «*грубых*» фактов – то есть фактов физического мира, не требующих конструктивного вмешательства человеческого сознания, «институциональные факты» называются так, потому что для их существования нужны человеческие институты. Чтобы те или иные социальные факты существовали, необходимы социальные институты, которые обеспечивают данному факту коллективное признание. Существование грубых фактов не требует каких-либо человеческих институтов. Конечно, чтобы установить грубый факт, нужен институт языка, но констатацию факта

следует отличать от его установления, утверждает Серль [6].

Власть и язык как инструменты интенции сознания являются обязательным условием формирования социальных фактов и институтов. Можно ли представить общество без институтов с различной формой властного регулирования социальных отношений? А можно ли, в противовес этому, представить себе общество без языка? И то, и другое не представляется возможным. С этой позиции и власть, и язык можно было бы смело называть учредителями социальной институциональной реальности. Но как происходит процесс взаимодействия этих двух явлений в формировании социальных фактов и социальных институтов. Как осуществляется и всегда ли осуществляется речевой акт для того, чтобы создать ту или иную институциональную реальность?

Власть и язык являются неотъемлемыми атрибутами общества. Процесс становления, формирования и трансформации власти, как и языка бесконечен. Интенциональная форма нашего сознания обеспечивает нам незавершенность и бесконечность властных и языковых актов. Однако можно вычленил процесс взаимодействия этих двух явлений в процессе формирования социальных институтов и фактов.

Декларативная и перформативная функции позволяют языку не только описывать то или иное явление и, в частности, социальные отношения, но и формировать или конструировать их [7].

Согласно теории Дж.Серля для создания фактов социальной реальности обязательными являются три компонента: *назначение функции, коллективная интенциональность и конструктивные правила* [8].

Назначение функции – это особое свойство людей и некоторых животных назначать или накладывать особые функции на те или иные предметы или явления. Особенностью этих функций является то, что они никогда не являлись присущими тому или иному предмету от природы, они приписаны ему сознательным агентом и зависят от его воображения. То есть назначение функции есть интенциональный акт. Итак, создание социальных фактов зависит от способности сознательных агентов назначать функции объектам, предметам и другим явлениям. Существуют функции, которые присущи тем или иным объектам вне зависимости от желания или соображения агентов. Такие функции Серль называет неагентивными или

латентными. А вот агентивные функции, цель и интенциональный окрас которых явно выражен и зависит только от наших убеждений и желаний, – манифестируемые функции. Внутри агентивных функций есть специальный класс функций, которые условно называются символическими или смысловыми. И тут, конечно, решающую роль играет язык. Используя язык, мы налагаем специфическую функцию представления на знаки и звуки. Данный вид агентивных функций символизирует, репрезентирует, представляет, отражает и, в целом, означает что-то другое.

Коммуникативная интенция соотносится с выражением различных интенциональных состояний сознания, в которые входит и психологическое измерение интенции. Дж. Серль включает в интенциональные состояния широкий спектр ментальных состояний, связанных с обращенностью сознания *вовне*, а не на самого себя. Дж.Серль разграничивает интенцию и интенциональность, поскольку намерение сделать что-то является лишь одной из форм интенциональности наряду с верой, надеждой, страхом, желанием и др.

Следующим условием создания социальной реальности мы назвали коллективную интенциональность.

Проблема коллективной интенциональности в контексте формирования социальной структуры посредством языка поднималась и в работе аль-Фараби. Одной из важнейших проблем в исследовании языка является проблема его происхождения. Эту проблему аль-Фараби решал так же, как и Аристотель, который, по утверждению современных исследователей, придерживался конвенционалистской теории, согласно которой отдельные «установители имен» (ономатеты), договариваясь между собой, вводят в обиход названия – имена для предметов, вещей, явлений и понятий. Впоследствии ими пользуются все остальные люди.

Договорная теория аль-Фараби указывает на функциональные возможности языка в деле общения между людьми. Первые слова появляются не столько из потребности давать названия вещам, сколько из потребности соотносить вещи с коллективом людей. Для того чтобы договариваться, уже необходимо было иметь коммуникативную систему [9]. Мы здесь отметим, что конвенциональная теория языка подразумевает не только обозначение действующих предметов, явлений и понятий, но и выполняет важнейшую функцию – конструирует социальные институ-

ты, создает социальные факты и социальную реальность в целом.

Коллективная интенциональность означает не только участие в совместной деятельности, но и разделение общих интенциональных состояний – убеждений, желаний, намерений. При этом коллективная интенциональность – это биологически примитивное явление, и ее обладают не только люди, но и многие виды животных. Это означает, что такая интенциональность не может быть редуцирована к индивидуальному сознанию: индивидуальная интенциональность как интенциональность более высокого порядка происходит из коллективной, но не наоборот. Коллективная интенциональность входит в структуру каждого социального факта, в том числе и фактов властных и языковых отношений.

Человеческое общество, в отличие от сообществ животных, основывается на способности человека к символизации и состоит из коллективных интенциональных актов назначения агентивных функций. Эти назначения являются вторым обязательным условием создания социальных фактов.

Содержанием интенциональных состояний является репрезентация определенного положения в социальном мире. То есть должен состояться речевой акт. Интенциональное состояние должно принять языковую оболочку, чтобы «войти» в структуру социального мира. Чтобы стать языком, эти интенциональные структуры должны получить конвенциональное выражение, иными словами, должна возникнуть «коллективная интенциональность».

Агентивные функции могут производиться не только индивидуальной, но и коллективной интенциональностью. Человек как носитель сознания способен назначать объекту агентивные функции, и в том числе – статус-функции, к которым относятся все социальные институты.

Возможность назначения статус-функций появляется в силу того, что люди способны создавать и применять конститутивные правила. Данные правила, помимо регулятивных правил, участвуют в создании всех социальных институтов. Кроме конститутивных правил существуют и регулятивные правила, которые нацелены на регулирование уже существующих типов действий. А конститутивные правила не только регулируют, но и создают и определяют новые формы поведения. Данные правила, а также, общие цели, намерения и значения создают системы, в рамках которых является возможным существование статус-функций.

Что касается статус-функций: во-первых, отметим, что статус-функции обусловлены наличием или отсутствием власти и возможностей. Также, стоит обратить внимание, что данные власть и возможности имеют некие специфические характеристики, которые не имеют ничего общего с физической силой индивида, которая может стать решающим фактором в сравнении сил двух индивидов. Данные возможность и власть связаны с правами, обязанностями, обязательствами, санкциями, требованиями, полномочиями, привилегиями, и существуют только до тех пор, пока имеют признание в виде коллективной интенциональности. Данные возможности или власть именуются «деонтической властью».

Во-вторых, когда дело касается статус-функций, язык и символы перестают выполнять просто описательную роль феноменов, а частично конструируют описываемые явления. Тут Серль приводит формулу: *X считать за Y в контексте C*. Данная формула может применяться, так как она репрезентирована как существующая. При этом знаки и символы предстают средствами такой репрезентации. Из этого можно сделать вывод, что язык в социальной реальности выполняет не только прямую «коммуникативную» функцию, но и является частично конструктом всех аспектов институциональной реальности [10].

Заключение

Таким образом, минимальные условия создания социальной институциональной реальности требуют, согласно теории Серля, наличие коллективной интенциональности, способности человека назначать объектам определенные функции, учитывая свои интересы и потребности, а также умение создавать конститутивные правила. Социальная реальность и социальные взаимоотношения – это сфера взаимодействия языка и власти, сфера функционирования статус-функций, в которой большую роль играют языковые способности.

Сфера человеческого бытия – социальная или институциональная реальность возможна благодаря нашей способности к коллективной интенциональности. В отличие от некоторых видов животных, которые также обладают коллективной интенциональностью, мы сознаем и используем символы, налагая их не только на физические объекты, но и на явления, предметы, ощущения, процессы и прочее. Эта система символов – наш язык и наша интенция к власти

позволяют нам создавать и поддерживать институциональный порядок – строить социальный мир. Социальные институты, являясь фактами наложения статус-функций, представляют собой систему деонтической власти. Рациональность всех этих систем встроена в интенциональные структуры, что позволяет нам ориентироваться во всех этих метафизически невероятно сложных отношениях и фактах. Подводя итоги, можно отметить следующее: социальные институты и институциональные факты позволяют нам формировать и применять большое и разнообразное количество полномочий, которые мы не могли бы иметь, если бы не существовало четкой социальной структуры общества и социальных фактов. Данная система функционирует, позволяя агентам создавать различные условия для эффективной социальной жизнедеятельности. Как бы это парадоксально не звучало, но именно создание жесткой социальной структуры, позволяет нам наиболее эффективно реализовывать сознание, свободу и рациональность. Различные институциональные факты, как государство, законы, деньги, университеты, торговые отношения и прочее, являясь структурой, тем не менее, обеспечивают нам рациональные основания для свободных действий. Система конститутивных правил позволяет существовать различным формам поведения. Денежные отношения не могут существовать без института денег и торговых отношений, возможность получения высшего образования была бы нереальной без существования системы образования, налаженной в структуре государства.

Коллективная интенциональность назначает новый статус к некоторому явлению и этот статус имеет соответствующую функцию, которая не может выполняться исключительно исходя из присущих рассматриваемому явлению физических свойств. Это назначение создает новый факт – институциональный факт, созданный в соответствии с человеческим соглашением. И данная формулировка может быть применима ко всем социальным фактам и институтам.

Порой процесс создания институциональных фактов может происходить и в том случае, даже если участники не осознают, что это происходит именно таким образом. Например, используя деньги, нам не обязательно думать, например, что «это ценно, потому что мы коллективно налагаем такое значение на то, что мы не расцениваем как ценность, только исходя из физических особенностей данного клочка бумаги с примесями». Нам не нужно постоянно осознавать всю

метафизическую нагруженность всех этих фактов и явлений. Этот процесс может относиться к сознанию с двух сторон. Во-первых, мы просто растем и формируемся в данной культуре и воспринимаем все существующие социальные институты как изначально данные. Нам не нужно осознавать их онтологию. Второе, при самом развитии института его участникам не нужно осознавать форму коллективной интенциональности, посредством которой они налагают функции на объекты.

Как только люди продолжают признавать X как имеющий статус-функцию Y , институциональный факт создается и поддерживается. Когда наложение статус-функции согласно формуле становится всеобщим, формула приобретает нормативный статус, который сам становится конструктивным правилом – декларативом. Это видно в тех случаях, когда общее правило создает возможность злоупотреблений, которые не могли бы существовать без правила, например, подделка денег (объекты выглядят как удовлетворяющие свойствам X термина, но они не являются им) и гиперинфляция (выпускается слишком много денег, так, что объекты, удовлетворяющие X термину, не могут больше выполнять функцию, определенную Y термином). Возможность злоупотребления – характеристика институциональных фактов.

Во многих случаях X термин выбирается точно, потому что он рассматривается как имеющий особенности, необходимые для выполнения функции, определяемой Y термином. Например, предполагается, что человек, который выбирается президентом, обладает соответствующими способностями к выполнению функции Y . Но даже в этих случаях что-то добавляется Y термином. Особенности, определяемые X термином, не достаточны, чтобы гарантировать дополнительный статус и функцию, определяемую Y термином [11].

Особое соотношение между наложением статуса и функции и языком. Слова, которые являются частью выражения Y , например слово «деньги», являются конструктивными в отношении созданного факта. Случайное сочетание звуков, лингвистическое понятие, например слово «деньги», является теперь частью самого факта, который мы создали.

Понимание социальной онтологии с позиции аналитической философии может помочь нам понять систему функционирования социальных институтов и рассмотреть возможности дальнейшего развития или упадка тех или иных социаль-

ных фактов. К примеру, при помощи такого разбора социальных фактов можно понять процесс становления или упразднения определенных социальных явлений, как ювенильная юстиция, феминизм или рабство. При правильном анализе можно спрогнозировать возможность формирования будущих социальных институтов

в результате развития технологий и смены приоритетов налагаемых статусных функций. Этот анализ может понять, к примеру, такое зарождающееся сегодня, еще смутно понимаемое социальное явление, как «внесистемное образование» и возможные последствия возникновения данного социального института.

Литература

- 1 По материалам Энциклопедии эпистемологии и философии науки [электронный ресурс]. Режим доступа http://epistemology_of_science.academic.ru/257/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
- 2 Brentano Ф. Избранные работы. – М., 1996.
- 3 Гуссерль Э. Идеи к чисто феноменологии и феноменологической философии. – М., 1999.
- 4 Searle J. R. The Construction of Social Reality. – New York: Free Press, 1995. – 256 с.
- 5 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. – New York: Oxford University Press, 2010. – 208 с.
- 6 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. – New York: Oxford University Press, 2010. – С. 7-8
- 7 Searle J. What is language: some preliminary remarks // Сайт университета Беркли, Калифорния. – Режим доступа: <http://ist-socrates.berkeley.edu/~jsearle/whatislanguage.pdf>, свободный.
- 8 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. – New York: Oxford University Press, 2010. – С.14.
- 9 Таджикова К.Х. Философия языка и языкового знака в творчестве Абу Насра аль-Фараби // Общественно-политический литературно-художественный журнал «Евразия», №2. – Алматы, 2002. – С. 46-53.
- 10 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – С.58-59.
- 11 Searle J. R. The Construction of Social Reality. – New York: Free Press, 1995. – 256 с. – С. 28.

References

- 1 Po materialam Jenciklopedii jepistemologii i filosofii nauki [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa http://epistemology_of_science.academic.ru/257/%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
- 2 Brentano F. Izbrannye raboty. M., 1996.
- 3 Gusserl' Je. Idei k chisto fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. M., 1999.
- 4 Searle J. R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. – 256 s.
- 5 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – 208 s.
- 6 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – S. 7-8
- 7 Searle J. What is language: some preliminary remarks // Sajt universiteta Berkli, Kalifornija. – Rezhim dostupa: <http://ist-socrates.berkeley.edu/~jsearle/whatislanguage.pdf>, svobodnyj.
- 8 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – S.14.
- 9 Tadžikova K.H. Filosofija jazyka i jazykovogo znaka v tvorčestve Abu Nasra al'-Farabi / Obshhestvenno-politicheskij literaturno-hudozhestvennyj zhurnal «Evrazija», №2. – Almaty, 2002. – S.46 – 53
- 10 Searle J. R. Making the social world: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. – S.58-59.
- 11 Searle J. R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. – 256 s. – S. 28.